

Министерство образования РФ

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Сборник научных работ аспирантов и студентов
исторического факультета СГУ

ВЫПУСК 1

Издательство Саратовского педагогического института
1999

II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Чурекова Н. Б.

ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В V В. ДО Н. Э.

Хорошо известен пассаж в «Скифском логосе» Геродота, где говорится о земледельческом населении Скифии. В одном случае Геродот указывает, что *скифы-пахари* (Σκύθακ ἄροτριεῖς) сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи. В остальных случаях Геродот перечисляет сельскохозяйственные культуры (на первом месте среди них стоит хлеб — σίτος), которые выращивались и употреблялись в пищу *каллипидами*, *ализонами* и *гелонами*. И, наконец, что очень важно, Геродот употребляет этникон «скифы-земледельцы» (Σκύθακ γεωρῶν). В последнем случае отец истории вроде бы прямо указывает на хозяйственную ориентацию одной из племенных групп скифов.

Хотя Геродот нигде не говорит о существовании греко-скифской торговли, но простейший логический вывод привел к появлению и господству в исторической науке вот уже на протяжении ста лет концепции о том, что *скифы-пахари* и другие племена Скифии могли продавать хлеб грекам, а те, в свою очередь, вывозили его в Средиземноморье. В русле этой концепции выдвигалось множество гипотез, затрагивающих как социально-экономическую, так и политическую историю Причерноморья, в частности, она лежит в основе исторических реконструкций, касающихся греко-скифских взаимоотношений. Такие исследователи, как С. А. Жебелев, В. Д. Блаватский, И. Б. Брашинский, Д. Б. Шелов и другие, отталкивались от этого положения в своих фундаментальных исследованиях².

¹ Herod. IV.17.2.; IV.17.1.; IV.109.1.

² Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953; Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. М., 1963; Шелов Д. Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1965; Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974; Ельницкий Л. А. Скифы евразийских степей. Новосибирск, 1977; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979. и др.

В обобщенном виде механизм северопонтийской хлебной торговли реконструировали так: некоторое количество товарного зерна для заморской торговли могло производиться на собственной земледельческой территории греческих колоний, но основная масса хлеба поступала в греческие города сначала из лесостепной, а затем и из степной зоны в результате торгового обмена с варварами. Принято считать, что кочевые скифы получали зерно в качестве дани от подвластного им земледельческого населения Лесостепи. Концентрирующийся в греческих городах хлеб перепродавался далее в центры Восточного Средиземноморья. Взамен оттуда импортировалось вино, оливковое масло, товары ремесленного производства и предметы роскоши. Значительная часть этих товаров вместе с продукцией собственных мастерских причерноморских центров шла к скифам в обмен на хлеб. Греческие города, таким образом, играли роль транзитных агентов.

Однако, в результате непредвзятого анализа исходных материалов А. Н. Щеглов недавно пришел к совершенно иным выводам, которые не оставляют камня на камне от идеи о греко-скифской торговле³. Суть его реконструкции сводится к следующему:

1. Если предполагать, в соответствии с рассказом Геродота, что какая-то масса товарного хлеба выращивалась *каллидами* (эллино-скифами), то получается, что территорией их проживания была зона Нижнего Побужья, которая реально совпадает с известной нам ольвийской хорой⁴. Если это так, то хлеб, который выращивало население Нижнего Побужья, следует относить к продукции ольвийского производства, а не рассматривать его как товар, приобретенный у скифов.

2. Выше *каллидов*, по Геродоту, жили *ализоны*, локализация которых спорна, поскольку их помещают либо севернее Николаева, либо на месте наибольшего сближения Южного Буга и Днестра. Если согласиться с первой локализацией *ализонов* севернее Николаева в степной полосе, то с учетом того, что здесь совершенно отсутствуют какие-либо следы скифской оседлости, получается, что они не могут быть никем, кроме как кочевниками. В таком случае, ни о какой торговле хлебом, конечно, не может идти речи. Если же поместить их в месте наибольшего сближения Южного Буга и Днестра, то область *ализонов* может быть сопоставлена с группой археологических памятников, оставленных земледельческим населением. Однако эти же памятники большинством исследователей соотносятся со *скифами-пахарями*⁵.

3. Несмотря на то, что Геродот говорит о *гелонах* как об эллинах, покинувших эмпорию и поселившихся среди кочевников, и подчеркивает, что они земледель-

³ Ščeglov A. Le commerce du ble dans le Pont Septentrional (seconde moitié du VII-V siècle) // Le Pont-Euxin vu par les grecs. Paris, 1990. P.141-159.

⁴ Доватур А. И., Каллистов Д. С. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 224-227.

⁵ Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев, 1983. С.158, 162.; Либеров П. Д. К вопросу о скифах-пахарях // ВДИ. 1951. № 4.

цы, которые питаются хлебом и имеют сады, он не указывает на существование хлебной торговли *гелонов* с эллинами⁶.

4. Что же касается *скифов-земледельцев*, которые локализируются в степной зоне Нижнего Поднепровья, то эта территория была занята исключительно кочевым населением⁷.

Согласуется с данными археологии и вывод В. И. Абаева, который предложил рассматривать *γεωρῦς* (*скифов-земледельцев*) Геродота как адаптированное греками местное иранское название *gauvarga* – «почитающие скот»⁸. Другими словами, скифы *γεωρῦς* – никакие не земледельцы, а типичные кочевники.

5. Итак, получается, что из всех скифских племен одни только *скифы-пахари* (*ἀροτήρες*), по Геродоту, сеют хлеб на продажу. Современная локализация *скифов-пахарей* совместима с бесспорно земледельческими культурами Лесостепи⁹.

Однако толкование «для продажи» (*ἐπὶ πρῆσι*) можно подвергнуть сомнению, так как еще в 1847 году В. Кольстер¹⁰ образовал *πρῆσι* от *πρῆθω* – «сжигать», таким образом, получается: «сеют хлеб не для собственного потребления, а для сожжения». Конечно, было бы наивно прямолинейно понимать эту фразу. Речь, видимо, должна идти не о полном сожжении всего урожая, а какой-то его части, приносимой в жертву богам.

То, что часть выращиваемого хлеба сжигалось, подтверждается археологическими находками – большим количеством обуглившихся зерен, стеблей и колосьев хлебных растений, обнаруженных в слоях золы у крупных, явно общественных глинобитных алтарей на Пастырском и Матронином городищах¹¹.

Таким образом, если и допускать возможность хлебной торговли варваров с эллинами, то она могла вестись лишь *скифами-пахарями* и то только в том случае, если этого хлеба было в избытке и он пользовался спросом.

Обычно сторонники традиционного взгляда на существование греко-варварской торговли указывают на факт присутствия в Лесостепи и Степи некоторого количества греческих импортных вещей (посуды, амфор и т.д.). То есть, если следовать традиционному взгляду, импорт должен оседать у кочевников Степи, контролировавших земледельческое население. Но, по данным В. Ю. Мурзина, в V в. до н.э. греческие вещи присутствуют лишь в тридцати погребальных комплексах¹². В Лесостепи же на поселениях и в погребениях во второй половине VI в. зафиксировано всего около сотни находок¹³. Находки эти можно интерпретировать не только как результат обмена, но как дары, дань, откуп и т.п. Массовый же греческий импорт в степную зону Скифии стал поступать в IV веке.

⁶ Доватур А. И., Каллистов Д. С. Указ. соч. С. 229.

⁷ Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Указ. соч. С. 363.

⁸ Абаев В. И. Геродотовские *Skythai georgoi* // Вопросы языкознания. 1981. № 2.

⁹ Ščeglov A. Op. cit. P. 148.

¹⁰ Там же.

¹¹ Хвойко В. В. Городища Среднего Поднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда. М., 1905. Т. I. С. 96, 99.

¹² Мурзин В. Ю. Скифская арханка Северного Причерноморья. Киев, 1984. Приложения.

¹³ Ščeglov A. Op. cit. P. 151.

Таким образом, находки греческого импорта, который должен был рассматриваться как прямой показатель наличия торговли хлебом, из-за своей малочисленности не могут достоверно свидетельствовать в пользу греко-скифской хлебной торговли.

Самый же главный аргумент против концепции греко-варварской хлебной торговли заключается в том, что по палеоботаническим данным в Лесостепной зоне земледельческие племена Скифии выращивали в качестве основной зерновой культуры полбу-двузернянку, которая не могла служить экспортным товаром по своим качественным характеристикам, так как полба хранится только в колосьях, да и то недолго, а кроме того, она имела невысокие вкусовые качества. По тем же палеоботаническим материалам установлено, что пригодная для экспорта голозерная пшеница выращивалась как главная культура только на земледельческой территории греческих полисов Северного Причерноморья со второй половины VI в. до н. э.¹⁴

Наконец, очень важно, что этнография не дает нам ни одного примера того, чтобы кочевые народы занимались широкомасштабной торговлей хлебом или сельскохозяйственными продуктами.

Таким образом, работа А. Н. Щеглова, на наш взгляд, полностью опровергает концепцию греко-скифской хлебной торговли. В связи с этим появляется необходимость пересмотреть многие моменты социально-экономической и политической истории Северо-Западного Причерноморья.

Многие исследователи считают движущей силой скифской экспансии в Северо-Западном Причерноморье желание скифов поставить под свой контроль торговые пути и завоевать монопольные позиции в хлебной торговле со Средиземноморьем¹⁵. Если предположить, что скифы не производили экспортного хлеба, от этого положения придется отказаться и искать другие причины скифской экспансии. Не правильное ли объяснить скифскую экспансию появлением новой волны скифов с востока, что привело к большей милитаризации и агрессивности скифского общества¹⁶.

Одним из прямых результатов скифской экспансии является неоспоримая редукция хоры Ольвии в первой трети V в. до н. э., а может быть, как считают некоторые исследователи, установление скифского протектората над Ольвией¹⁷. В пользу внешних причин ликвидации хоры Ольвии говорят следующие факты:

¹⁴ Ibid. P. 154–155.

¹⁵ См.: Марченко К. К. Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1980. С. 136.

¹⁶ Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 145–155.

¹⁷ Виноградов Ю. Г., Доманский Я. В., Марченко К. К. Развитие взаимоотношений местного населения Северного Причерноморья с греческим миром в VII–IV вв. до н. э. // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тбилиси, 1988. С. 31–32.

– прекращение жизни на поселениях региона примерно в одно и тоже время¹⁸, при этом можно не сомневаться, что причина тому не военная катастрофа, а медленное угасание;

– появление погребений кочевых скифов за северной и восточной границами ольвийской территории именно в начале V века¹⁹;

– возведение в первой половине V в. до н. э. оборонительных стен в Ольвии²⁰;

– открытие в некрополе Ольвии начала V века массовых захоронений ольвиополитов, убитых скифскими стрелами²¹.

Таким образом, на этих главных аргументах основана концепция редукции ольвийской хоры под нажимом скифов. Но даже если согласиться с этой концепцией, непонятно, что побудило скифов уничтожить ольвийскую хору, ведь она приносила немалый доход полису. Скорее всего, объяснение феномену следует искать в том, что выращивание хлеба было чуждо кочевым племенам Скифии и они развернули здесь свое традиционное скотоводческое хозяйство. Проследить это археологически, к сожалению, почти невозможно. Но если это так, то чем стало заниматься население, покинувшее хору и перебравшееся в предградье – ремеслом, торговлей? Пока нам это не ясно.

Если принять концепцию установления скифского протектората, то нельзя не обратить внимания на идею об установлении в Ольвии тирании в форме протектората²². Идея эта опирается на ряд косвенных свидетельств.

По нумизматическим данным, известны монеты с греческим именем Павсания (490–480 гг.) и серия монет с иранскими именами Арих (470–450 гг.) и Эминак (450–440 гг.) Предполагают, что имя Эминак принадлежало скифскому династу или ольвийскому тирану²³. С этим вроде бы согласуется тот факт, что этникон ольвиополитов появляется в лапидарных надписях официального характера и на монетах Ольвии не ранее начала IV в.²⁴

Самым серьезным аргументом в пользу концепции ольвийской тирании является найденный в Ольвии декрет в честь синопского тирана Тимеселея. Суть реконструкции сводится к тому, что в Ольвии к моменту изгнания Тимеселея господствовал родственник ему автократический режим, который в силу каких-то неизвестных нам тесных связей между ними не только предоставил беглецу и его семье кров и условия безбедного существования, но и всячески обладал его, поставив в более выгодное, чем жителей полиса, материальное положение²⁵.

¹⁸ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М., 1989. С. 82–86.

¹⁹ Ковпаненко Т. Т., Бунятян Е. П. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев, 1978. С. 134; Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 106.

²⁰ Виноградов Ю. Г. Политическая история... С. 82.

²¹ Виноградов Ю. Г. Политическая история... С. 86–87.

²² Сальников А. Г. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии. ЗОАО I(34). С. 86; Штерн Э. Р. Археологические новинки. ЗООИД XXV, 1904. С. 54.; Цыбульский С. А. Греческие монеты. СПб., 1899. С. 21.

²³ Виноградов Ю. Г. Синоп и Ольвия в V в. до н. э. // ВДИ. 1981. № 3. С. 54.

²⁴ Рубан В. В. О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 79.

²⁵ Виноградов Ю. Г. Синоп и Ольвия в V в. до н. э. // ВДИ. 1981. № 3. С. 51.

Однако вывод этот не столь однозначен, не исключено, что ольвиополиты были обязаны синопским тиранам приобретением каких-то привилегий, результатом чего были тесные торговые связи обоих городов, и по этой причине Ольвия предоставила убежище Тимеселею и его семье.

В связи с тем, что декрет датируется достаточно широким промежутком времени, (по Ю. Г. Виноградову, третьей четвертью V в.), остается неясным, при каком режиме он был издан. Либо это произошло при скифских ставленниках, либо при греческом тиране. В первом случае непонятны причины, побудившие скифских династов принять изгнанного синопского тирана. Если же декрет издан при греческом тиране, неясна реакция Афин, ведь Тимеселея изгнал Перикл во время своей понтийской экспедиции, а Ольвия, возможно, в это время входила в Афинский Союз, по крайней мере, нам точно известно, что в 425 г. Ольвия была членом Архэ.

Но самое слабое звено в концепции ольвийской тирании - это отсутствие упоминаний о ней в нарративных источниках. Так, Геродот, посетивший Ольвию, ничего не пишет о недемократическом режиме в ней. А ведь наверняка Геродот, проведший много времени в демократических Афинах, должен был бы обратить на это внимание.

Таким образом, отказ от привычной идеи о существовании масштабной греко-скифской хлебной торговли в V в. до н. э. порождает ряд новых проблем, решить которые можно только в результате пересмотра существующих концепций и пополнения источниковой базы.

Фрибус Т. Ю.

ТИБЕРИЙ, КАЛИГУЛА И НАРОД РИМСКИЙ.

Проблема взаимоотношения народа и власти всегда представляла интерес как для историков, так и для социологов, политологов, психологов и философов. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть и, по возможности, объяснить отношение римского народа к власти императора в период принципата, при императорах Тиберии и Калигуле (14-41 гг. н. э.). Период этот интересен тем, что в названные годы в римском обществе происходят противоречивые, и, на первый взгляд, нелогичные явления. С одной стороны - это время наиболее деспотичного императорского правления, когда стоявшие во главе империи лица проявили наихудшие черты своего характера, а также далеко не лучшие качества политического деятеля. С другой стороны - именно тогда в римском обществе стремительно формируется культ императора: имя властителя произносят в клятвах и молитвах, в его честь сочиняют хвалебные надписи, ставят ему статуи и, наконец, приравнивают его к богам. Неоспоримым фактом является то, что